

IV

ФЕДОР КОРСАКОВ

Федор Александрович Корсаков, крестьянин дер. Костиной, Песчанской волости (соседней с Пудожгорскою, но принадлежащей к Пудожскому уезду), парень 26 лет, выучившись портняжному мастерству, ходил работать по деревням и в это время научился петь былины. Потом, бросив это занятие, ходил бурлачить на канал, работал в каменщиках в Гатчине; истратив заработанные деньги в Петербурге, поступил в услуженье к одному купцу; наконец возвратился домой и, женившись, сел на крестьянство. Корсаков необыкновенный весельчак, юморист, мастер петь лихие и похабные песни; большой охотник погулять, он служит запевалой и вожакom молодежи на деревенских праздниках. Былины отошли у него на второй план; он забыл большую часть тех, которые певал в прежнее время.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Тени-из-под-тени из-под той стены высокия,
Из-под той ли с под березки с под кудрявья,
Протекала тут реченка быстрая.
Из-под той ли из-под северной сторонюшки

⁵ Ехал тут через эту быстру реченку,

Ехал Батыга Батыгович,

Ехал-то он да во Киев град

А й ко ласковому князю ко Владимиру

И со своёй ли рать-силою великою.

¹⁰ Обставил тут силы-то круг Киева

А й на все же на сторонюшки а на шесть верст,

Хочет забрать наш Киев град.

Выходили тут тура́ со туратами,

А й со глупыма со малыма ребятами.

¹⁵ Они видели над Киевом незгодушку,

Они видели над Киевом великую,

Они видели над Киевом чудным чудным-чудно,

Они видели над Киевом дивным дивным-дивно.

Выходил-то нунь наш Владимир князь

²⁰ Со своими подарками золоченыма.

Он встречал-то Батыгу Батыговица,

Просит Батыгу Батыговича

А в свои полаты белокаменны,

И хлеба соли-то ему да покушати,

²⁵ А колачиков крупивчатых порушати.

Идёт-то Одолище поганое

А ко ласковому князю ко Владимиру.

Вдруг посылал он повесточку

К старому казаке к Ильи Муромцу,

³⁰ К Ильи Муромцу да во чисто полё,

Поспевал бы он да на боищю.

Услыхал наш казак Илья Муромец,

Стал-то успевать по своим успехам богатырским,

Стал-то успевать со чиста поля да во Киев град

³⁵ А ко ласковому князю ко Владимиру.

Приезжает он во дворовую,

Одевает нунь одежду соби стариковскую,

Кладывáет себе шляпоньку пуховую,

А берет в руки клюху нунь горбатую,

⁴⁰ А идет он нунь в полату белокаменну,

Ко тому ли-то к Одолищу поганому.

А сидит-то Одолище поганое

За почестным столем да у князя у Владимира.

Очень наш старый казак Илья Муромец,

⁴⁵ Очень же низко ему кланялся:

— Здравствуй-ко, Одолище поганоё!

— Здравствуй, ты калика перехожая!

Видал ли ты, калика перехожая,

Храбраго воина да Илью Муромца?

⁵⁰ Отвечал-то калика перехожая:

— А й такой же наш богатырь Илья Муромец!

Он такой же есть как и самый я.

Говорит тут Одолищю поганой:

– А по многу ли ваш казак Илья Муромец к выти
хлеба кушаёт?

⁵⁵ – Малую часть нашый кушает,
По три-то фунтика колачиков крупивчатых,
А й по маленькой-то чашечке воды-то пьет.
Отвечает Одолищю поганой:

275

– По семи-то пудов я к выти кушаю,

⁶⁰ По целой кадки воды кушаю.

Говорит тут калика перехожая
А й тому ли-то Одолищю поганому:

– Была-то у моего же родна нуни батюшка,
Была же лошадь халстная (*так*),

⁶⁵ А по многу она ела, пила, кушала,

Очень-то скоро сама лопнула.

Не понравилось Одолищю поганому.

Он смахнул-то со стола да ножом себе длинным, –
Этот-то нож да стоём же стал.

⁷⁰ Обвернулся наш калика перехожая,

А подвинулся к Одолищю поганому, –
Как ударил ему шляпонькой пуховою,
А й прогрязла голова тут у Одолища поганого.

Старый казак Илья Муромец

⁷⁵ Выходил-то он во дворовую,

Он берет себе коня да богатырсково,
Во других-то берет себе палицу стопудовую,

Во другу-то руку копые длинное.

Поехал он на рать на силушку великую,

⁸⁰ На великую, на татарскую.

Стал-то по силушки поскакивать,

Он пробил нунь всю силу-то великую.

Приезжает-то ко князю ко Владимиру.

Сделали весельицо почестный пир,

⁸⁵ Стали тут жить оны по прежнему.

Ничего-то князь нунь не опасается,

Никого ли-то нунь не сумляется.

Отправлялся наш старый казак Илья Муромец

Ко тому ли-то ко королю литомскому (*так*)

⁹⁰ Посмотрите его дочери любимой,

Той ли-то Марьи Митриевичной.

А женит ему нужно братца нунь крестоваго,

А й братца того ли названаго,

А того ли то Иванушка могучаго.

⁹⁵ Приезжали тут ко королю литомскому,

А ко его ли-то ко доченки любимья,

А ко той ли-то ко Марьи Митриевичной.

Взяли-то ю и в замужество

За того ли-то Иванушка могучаго,

¹⁰⁰ Сделали оны да почестный пир,

На пиру-то вси напивалися,

На пиру-то вси похвалялися.

Говорит-то наш князь стольне-киевской:

– Вы верныи мои да служители!

¹⁰⁵ Не съезжайте-ко вы со Киева,
А живите-тко вы да по старому,
Живите-тко по старому, по прежному.

Записано в дер. Рим на Пудожской Горе. 23 июля.

277

23

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

В славном во городе во Мурове,
А й села-тко да Качегарова,
А й у ласковаго князя у Владимира,
Был у них да есть почестный пир.

⁵ На пиру да был слуга верныи,
Старыи казак да Илья Муромец,
Во других-то молодой Дюк Степанович,
А Чурилушка же Плёнкович,
А й Олешенька Попович королевский сын,

¹⁰ А еще-то был Добрынюшка Микитинич;
Он захвастливый же был да неудачливый.
Он выходил с почестнаго пира от князя от Владимира,
И приходил-то к государыни к своей да родной маменьки
И воспроговорил же ей да таково слово:

¹⁵ – Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
А Ефимья ты же Олександровна!
И ты когда меня спородила,
Завернула бы в камочки во крушатя,
Ты кидала бы меня да во сине море.

²⁰ Не ходил бы я Добрыня по белу свету,
Не ругил бы я Добрынюшка тут горьких слез.
– Ай же ты мое да чадо милоё,

278

А дитя мое любимое,
Ты Добрыня сын Микитинич!

²⁵ Уж я рада бы тебя спородить
А я силою в богатыря да в Илью Муромца,
Я богатством во Дюка во Степанова,
А я удатью в Чурилушку е Плёнкова,
А я смелостью в Олешеньку в Поповича.

³⁰ Как во пору же е во то время
Выходил-то наш Добрынюшка да он Микитинич,
Он-ка брал соби коня есте добраго,
А он добра коня да богатырского,
А седдал ему седлушко черкальское,

³⁵ А стремена кладет да золоченья,
Он подтяжечки подтягивал шелковые,
Одевае себе латы богатырския,
Он берет соби копьё-то в руки длинное,
Он-ка палицу да стопудовую.

⁴⁰ Он садился на своего добра коня
И хочет выехать он с широка двора,
А с широка двора да он в чисто полё.
И наказывае на поезде таково слово
Государыни своей да родной маменьке,

⁴⁵ Он Офимье Олександровной,

И во других он наказывал своей да молодой жены,
Молодой-то е Настасии Микуличной:

– Я еду в чистó поле,

Проживи-тко ты, исполни мою заповедь,

⁵⁰ Проживи же ты нуньку шесть годов,

А потом-то хоть вдовой живи, хоть замуж поди,

Если я не буду через шесть годов с чиста поля,

А поди хоть за богатыря, хоть за крестьянина,

Не ходи-ка ты за братца за крестоваго,

⁵⁵ За Алешоньку ты Поповича,

Ай за бабьяго ты надсмешника.

Уж как видели богатыря-то сядучи,

Не видели богатыря поедучи.

Он как выехал Добрыня с широка двора,

279

⁶⁰ Он как ехал не воротами широкима,

Он скочил да через стену городовую,

Стал он с горы на гору поскакивать,

Широки раздолья между ног пустил,

Он как реки нунь озера перескакивал.

⁶⁵ От него поездки богатырския,

От него поступки лошадиныя.

Времечко идет да как вода течет,

А день за день как и дождь дождит.

А прошло-то тому времечки е шесть годов,

⁷⁰ Не видать-то тут Добрынюшки с чиста поля.

Стал Олешенька же королевский сын похаживать,

В других с ним князь стольне-киевский.

Они стали-то да е подсватывать

А й Добрынину его да молодую жену,

⁷⁵ А й Настасьюшку да е Микуличну,

За того ли-то за братца за крестоваго,

За Алешеньку Поповича.

И положила она заповедь на друго шесть годов:

Если не буде нунь Добрыня сын Микитинич,

⁸⁰ Как не буде он да со чиста поля,

А й потом я за тебя замуж пойду.

От него ли-то поездки богатырския,

От него ли-то поступки лошадиныя.

Время (*так*) идет да как вода течет,

⁸⁵ А день за день как и дождь дождит.

А прошло-то тому времечки двенадцать год,

Не видать-то все Добрынюшки с чиста поля.

И приходил Олеша королевский сын,

В других с ним князь стольне-киевской,

⁹⁰ Приходили на́ ей теперь свататься.

Тут Добрынина да молодая жена,

И молодая-то е Настасья да Микулична,

Еще туда-ка она да е замуж пошла

За того ли-то за братца за крестоваго,

⁹⁵ За Алешеньку она да за Поповича.

Как повелся-то у них почестный пир да свадебка,

Повелась-то свадебка двенадцать дён,

На пиру-то вси да напивалися,

На пиру-то вси да наедалися.

¹⁰⁰ Очень строго е приказано

Как у ласковаго князя у Владимира,

Кто если вспомнит на почестном пиру на свадебки

А й Добрынюшки его да нунь Микитича,

Еше прямо нунь сади того во крепости,

¹⁰⁵ А не спрашивать ни роду и ни племени, –

Никакого его теперь да отзыва.

Они крепости все да повыладили,

А столбы-то вси оны е повыставили,

А для всякою опасности,

¹¹⁰ В особину же для Добрынюшки да е Микитича,

Чтобы в ту пору да в то время

Не приехал наш Добрыня на почестен пир.

Как идет у них почестный пир да свадебка

И последний день да е двенадцатой,

¹¹⁵ Как во ту пору во то время

Наезжал-то наш Добрынюшка с чиста поля.

Он приехал осерёд двора широкаго,

Привязал коня да ко столбу да ко точеному,

И к тому ли-то кольцу да золоченому,

¹²⁰ И приходил он к государыни к своей родной маменьке.

Уж он крест-от да кладет там по писаному,

Он поклон-тот там ведет да по ученому,

А й на вси да на четыре на сторонюшки,

Он как матушки своёй да е в особину.

¹²⁵ Воспроговорит же сам да таково слово

А своей да родной маменьке,

Он Офимье Олександровной:

– Уж ты здравствуй, государыни Добрынюшкина матушка!

От Добрыни я тебе-ка-ва поклон привез.

¹³⁰ Мы с твоим-то чадом милым,
А с детём твоим да е любимым,
А й с Добрынюшкой Микитицом

281

Вместе были во чистом поли.

Он поехал там дороженькой окольною,

¹³⁵ Я же ехал там дорожкой прямоезжею,
Он поехал на почестный пир на свадебку
А ко ласковому князю ко Владимиру,
А ко своему-то братцу ко названому,
А к тому ли-то к Олешеньке Поповичу.

¹⁴⁰ – Ай же ты молодая скоморошина,
Ты кабацкая кака ни е подпóрина!
Не дошло бы те да надо мною надсмехатися.
Закатилоси мое да красно солнышко двенадцать год
Закатается теперь да млад светёл месяц,

¹⁴⁵ А й Добрынина да молода жена,
Молода-то е Настасья да Микулична,
А й тут она замуж ушла
А й за братца за названого крестоваго,
За Олешеньку да е Поповича.

¹⁵⁰ А й ведется там у них почестный пир да свадебка,
А ведется-то последний день двенадцатый.
Воспроговорит Добрыня таково слово:

– Еще велел Добрынюшка Микитинич

Привезти-то он гусельшка яровчаты,

¹⁵⁵ А который находятся в него во ложнях там во теплых,

На кроваточки кисовья,

А на стопочки да на точёныя.

И велел-то привезти на почестный пир на свадебку,

Звеселить свое сердечко богатырскоё.

¹⁶⁰ Только стала нонь смекатися,

По речам его да догадаться,

Кинула ему руку на голову,

Увидала у него да е приметочку:

– Не моё ли ты да чадо милоё,

¹⁶⁵ Не моё ли ты дитя было любимое,

А не Добрыня ль сын да был Никитинич?

Извини-ко ты да нунь пожалуйста,

Что обругала я тебя да о бесчестила,

А удаленькаго храбраго же воина,

¹⁷⁰ Целовала тут его в белы́ уста,

Нарекала своим сыном милым

А детём она его любимым.

Ухватил-то тут Добрынюшка Микитинич

Он свои-то там гусельшки яровчаты,

¹⁷⁵ Поскакал-то он на гридню на столовую

А ко ласковому князю ко Владимиру,

Да к названому ко братцу ко крестовому,

А к тому ли ко Олешеньке Поповичу,

Да к княгине ко своей да молодой жены.

¹⁸⁰ Приезжал-то он ко каменной стены,

К широким-то воротам, ко крепости.

Как у ласковаго князя у Владимира

А приставлены-то все да заключевнички

А все главнии свои да дворнички

¹⁸⁵ А ко той ли к высокой да каменной стены

А к воротам да ко широкиим.

Очень строго им наказано:

А й у князя у Владимира

Не пуцать-то на почестный пир на свадебку

¹⁹⁰ Никакого-то без звания,

Без доклада все ж у ласковаго князя у Владимира.

Высыпает им он злата ноньку серебра,

А всим дворничкам да заключевничкам,

Он же скачнаго им жемчуга.

¹⁹⁵ Очень крепко им да здолжается,

На почестный пир дается:

– Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,

А вси дворнички вы заключевнички,

А ко ласковому князю ко Владимиру.

²⁰⁰ Не пуцают нунь Добрынюшки Микитича,

Не берут с него ни злата нунь ни серебра,

А ни скачнаго-то жемчуга,

Не пуцают на почестный пир на свадебку

А ко братцу названому крестовому,

²⁰⁵ А к тому ли-то к Олешеньке к Поповичу

И молодой жены к Настасьи да к Микуличной.

- Вы подите-ко пожалуйста,
А вси дворнички вы заключевнички,
Здоложите-ко вы ласковому князю да Владимиру
²¹⁰ Обо мне о храбром о воине.
Отошли от ворот вси дворнички
А вси главные его да заключевнички.
Розгорелоси его сердечико ретливое,
Он столбы-то все повышатаал
²¹⁵ И ворота-то во чисто поле повыкидал.
Он зашел-то на почестный пир на свадебку
И выстал там на печеньку муравую,
И стал он струночки потягивать,
Стал гусельшка подлаживать.
²²⁰ Заиграл как он в гусельшка яровчаты,
На почестном пиру да он на свадебке,
На пиру-то вси да призамолкнули.
Звеселил-то он как ласковаго князя да Владимира,
Воспроговорит ему да таково слово:
²²⁵ – Ай же ты молодец, с какой земли, с какой орды?
Я не знаю есть ли имечки тебе, отечества.
Опущайся-ко со печки со муравья,
Ты садись-ко с нами на почестный пир на золот стул
А в особину, где место е понравится.
²³⁰ Наливает ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносил-то тут Добрыни е Микитицу:
– Ай же ты да молодой игрок!

Уж ты пей-ко от меня да чару зелена вина.

²³⁵ А й другую чару-то подносит братец да названенькой,
Молодой князь а й Олешенька Попович королевский сын.
Еще третью чару наливае молода жена,
Молодая Настасе́я-то Микулична:
– Пей-ко ты же от меня да чару зелена вина!

²⁴⁰ Как играл такой игрой мой прежний муж,
А Добрыня сын Микитинич.
И взял по́ложил Добрынюшка Микитинич

284

А свой перстень-то злаченья,
А которым с ней да поручалися, –

²⁴⁵ Он во чару зелена вина,
Подносил возвратно молодой жены:
– Ай же ты княгиня молодá, пей от меня чару зелена вина, –
Уж ты пьешь до дна, так увидашь добра.
А не пьешь до дна, не видашь добра.

²⁵⁰ Выпивала Настасе́я тут Микулична,
Выпивала она чару зелена вина,
Увидала там свой перстень-то злаченья,
А которым же с Добрыней поручаласи.
Воспроговорит она за почестным пиром за свадебкой,

²⁵⁵ Воспроговорит она да таково слово:
– По Руси́и пословица та водится:
А муж в лес по дрова, жена замуж пошла.
Ай ты Добрынюшка Микитинич,
Ты возьми-ко нуньку плёточку шелковую,

- ²⁶⁰ Уж ты бей меня-то жонушку по нагузку!
Воспроговорит Добрыня таково слово
За почетным пиром он да за свадебкой:
– Не дивую я тебе, да молода жена,
А Настасья ты Микулична!
- ²⁶⁵ Я дивую-то названому же братцу е крестовому,
А тому ли Олешеньки Поповичу, –
От жива мужа жену берет.
А в других-то я дивую ласковому князю е Владимиру, –
От жива мужа да жону сватаёт.
- ²⁷⁰ Розгорелоси его да сердце богатырскоё,
Воссерчал-то он на братца на крестоваго,
На Олешеньку Поповича.
Ухватил его за желты кудри,
Выводил да [з]-за почетнаго пира [з]-за свадебки,
- ²⁷⁵ Выводил его за гридню на столовую,
Уж как стал-то он по гридни да поваживать,
А в одной руке-то держит у него желты кудри,
А в другой руке держит гусельшка яровчаты,
- И стал за желты кудри поваживать,
- ²⁸⁰ А гусельшками тут Олешеньку охаживать.
Воспроговорит Олеша таково слово:
– По Руси-то пословица та водится:
Уж как всякий, братцы, женится,
А не всякому женидба задавается.
- ²⁸⁵ Не дай господи на сём свети

Как Олешеньки Поповичу!

А как взял-то он свою да молодую жену,

Молодую-то е Настасью Микуличну,

Увозил-то е возвратно в свою сторону.

²⁹⁰ Еще туда-ка Олешеньки славы́ поют,

А тому ли-то пиру да век по веку,

А век по веку отныне до веку.

Записано там же, 23 тюля.

24

КОСТРЮК

В той было столиче,

В дальнею граниче,

Была поляница-та крымская,

Царица татарская,

⁵ С Кострюком приумиласи,

С молодым сговориласи

Ехать в царство русийскоё,

Государство московскоё.

До Москвы-то не доедучи

¹⁰ И до горы до Ясавулова,

Вси шатры-то тут роздернули,

Ербучки-то вси повыстлали (так),

Посылали скоропослешнаго посланничка

Ко тому ли царю к Ивану Васильевицу,

¹⁵ Заказать да поотведати,

Чтобы полаты он розглаживал,

А ён ествы-ты налаживал,

А ён питья-ты да принаставливал.

Еще едет-то Кострюк Темнюк,

²⁰ Поляница была крымская

А царица та удалая:

– Есть ли у тя бог на стены,

287

Есть ли у тя хлеб на столи,

Есть ли борци на дворци,

²⁵ Да удалы добры молодци

С Кострюком-то поборотися,

Со удалым попытатися

А плеча да богатырского,

А личя-то молодецкаго?

³⁰ Воспроговорит нунь грозный царь Иван Васильевич

Воспроговорит ему да таково слово:

Еще есть-то у мня бог на стены,

Еще есть у мня же хлеб на столи,

Еще есть у мня борци на дворци, –

³⁵ Ай удалы добры молодци, .

С Кострюком-то попытатися,

С молодым поотведати

А й плеча да богатырского,

А личя его да молодецкаго.

⁴⁰ А й два братца есть крестовеньки,

Они родиной же с Вологды:

Одного-то зовут Федькою,

А другого есть Михалкою,

И не бьются есть не борются,

⁴⁵ Одной кашки есть напорются,

Как живут у мя в прислужниках.

Нунь в ту пору да во то время

Наезжал сам Кострюк на съезжий двор,

Он же к грозному царю к Ивану е Васильеву.

⁵⁰ Закрычал-то он своим до громким голосом,

Он своим да богатырским,

Он по всей земле, по всей орды,

Он по всей да подселенною:

– Ай давай же мне-ка царь да супротивника!

⁵⁵ Если ты не дашь да супротивника,

Я все царство нунь пройду да головнёю прокачу!

А несет-то грозный царь Иван Васильевич,

Он несет же ему нунь подарочок,

Ему злата было сѣребра.

288

⁶⁰ Он же просит нунь в свои полаты белокаменны

Хлебца соли есть покушати

И колачиков порушати.

Ничего Кострюк не слушает,

Ай одно кричит: давай же супротивника.

⁶⁵ Как во ту пору, во то время

Как скамья случилоси двуногая

Близко сильного богатыря.

Ухватил-то наш Кострюк Темнюк

Он скамью да есть двуногую.

⁷⁰ Он-ка бил да всех богатырей

Без разбору государских.

Как убил же тридцать есть богатырей,
Пятьдесят-то он татаринов,
А й пятьдесят-то он татаринов плененных.

⁷⁵ Еще все они лежат как мыши пища,

Еще моля Кострюку да Темнюку,

Сильному богатырю:

— Еще дай бы тебе господи

А й на двор итти да скокою,

⁸⁰ А й со двора да окоракою!

Как бежал-то наш Кострюк,

По мосткам-то бежал да деревянными,

А мости́нья-то все да зыблются,

А тыни́нья-ты с мости́нья все вон сыплются.

⁸⁵ И прискакал-то он на съезжий двор

Он ко братцам ко крестовым,

Он с нимá да поборотися,

С молодыма попытатися.

Уж как Фетеньку-то раз топну́д,

⁹⁰ А й он Фетеньку другой топну́д,

И стоит наш-то Фетенька не шатнется,

На головушке волосушка не стряхнутся.

Как другой-то братец есть крестовенькой,

Михалка нунь в борьбу да снаряжается,

⁹⁵ Сам с собою похваляется:

— Что ж ты брат да поддаваешься?

Тут припадывали они пониже себя.

А подхватывали Кострюка да крепко на руки,

Его на руки свои да богатырския,

¹⁰⁰ И выкидывали повыше креста да Леванидова.

До зени́-то не допадучи,

А летма в верёх да скоро лётячи,

На нем кожа вся же перелопала,

А от рук их богатырских,

¹⁰⁵ А от двух же братцев есть крестовых.

А рука нога ломиласи,

Глаза вон да воротилися.

Еще смотрит поляница та же крымская.

Богатырша нунь сама есте удалая,

¹¹⁰ На борьбу-то все на их да богатырскую

А на двух на братцев на крестовых, –

Ушибили Кострюка да сильна богатыря.

Ухватила копье свое длинное,

Как поехала она в ездю с Москвы,

¹¹⁵ Она еде заклинается:

– А не дай мне-ка́-ва боле, господи,

Боле ввек в Москвы да не́ бывать,

И москавских борцев да в гла́за не́ видать!

А Кострюку да Темнюку да сильному да воину

¹²⁰ Еще туда-ка ему да все славы поют,

А век по веку отныне до веку.

А живёт-то наш да грозный царь [Иван] Васильевич,

А живёт-то он да звеселяется,

Звеселяется в своих да радостях,

¹²⁵ Он своими-то же воинами защищается,

А живет-то он без всякой опасности,

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Том первый.
I. Повенецкое побережье-Толвуй. Повенец. IV. Корсаков Федор Александрович

А век по веку отныне до веку, аминь!

Записано там, 23 июля.